

Внутри дворца Цинъюань звучали песни и пляски, а в Чанъсиньском дворце маленький ротик юного маркиза Иня без усталости тараторил. Он втайне поклялся: будет прекрасно, если удастся довести Сюй Яньцина до слёз. Ведь в деревне семьи Сюй тот вечно его мучил.

— Значит, юный маркиз Инь хочет сказать, что Силин послал сюда драгоценную принцессу ради брачного союза с Далянем? — туповатый молодой господин-солёная рыбина наконец-то сообразил, в чём дело.

Инь Юаньчэн энергично закивал:

— Именно так! И ещё я слышал, что эта принцесса из Силина необычайно красива и пользуется особым расположением у короля Силина!

Молодой господин-солёная рыбина покачал головой, выражая несогласие:

— Если её выдают за границу ради политического союза, при чём тут «в расположении» или «не в расположении»?

— Ты прав, — с чувством согласился Инь Юаньчэн, тяжело вздохнув. — Хорошо хоть наш император мудр и могуществен, а Далянь силён и велик. Естественно, нам не приходится выдавать принцессу для союза. И представить не могу, чтобы мою матушку заставили... Членам императорской семьи всегда нелегко.

— Постой! — вдруг спохватился Инь Юаньчэн. — Я ведь сказал, император собирается заключить союз с принцессой Силина. Союз, понимаешь?

Молодой господин-солёная рыбина мечтал просто развалиться на столе — настолько ему было лень. На очередное подчеркнутое объяснение юного маркиза он послушно кивнул:

— Да-да, понял.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — Инь Юаньчэн осторожно заглянул ему в лицо. Увидев на лице Сюй Яньцина ни тени эмоций и опасаясь, что тому больно на душе, а от этого может пострадать тело, он поспешил утешить:

— Но не переживай, император всегда сторонился женщин. Все эти годы ты — единственное исключение. А теперь, когда ты ещё и беременен, думаю, император точно отвергнет этот брак.

На самом деле сердце молодого господина-солёной рыбины было далеко не так спокойно, как он показывал. Услышав вдруг, что Наставник-даос намерен заключить брак с принцессой Силина, он ощутил в тот миг какое-то невыразимое неприятное чувство... словно нечто для него бесценное кто-то осмелился позариться отнять. В душе разлилась необъяснимая раздражённость.

Не желая, чтобы Инь Юаньчэн что-то заподозрил, солёная рыбина решительно выбрал молчание. Но, услышав, как юный маркиз сменил тон и стал его утешать, он не удержался и криво усмехнулся:

— Значит, юный маркиз Инь меня утешает?

— Хм! — Инь Юаньчэн неловко фыркнул. — Просто боюсь, ты задумаешься и огорчишь моего будущего маленького кузена. А если император узнает, что я тебя расстроил, мне ведь и

впрямь прилетит.

Юный маркиз говорил предельно противоречиво. Сюй Яньцин притворно вздохнул с чувством:

— Значит, фасолинка у меня в животе — кузен юного маркиза! Вот так в один миг я поднялся на целое поколение. Какое неожиданное счастье.

Инь Юаньчэн застыл, словно громом поражённый. Как же он умудрился забыть?

Теперь, когда Сюй Яньцин стал любимцем императора и ещё носил под сердцем наследника престола, в одно мгновение он оказался на целое поколение старше Инь Юаньчэна.

Однако юный маркиз упрямо возразил:

— Вот станешь императрицей Даляня — тогда и заставишь меня звать тебя «тётушка»!

У солёной рыбины по коже побежали мурашки, он весь передёрнулся. «Тётушка»? Юный маркиз Инь умел как никто выводить людей из себя.

После пира посол и Тоба Цзиньшу поклонились императору Даляня и попросили позволения удалиться. Инь Яньцзюнь едва заметно кивнул, велел проводить посольство Силина в резиденцию.

Шум в дворце Цинъюань постепенно стих. Инь Яньцзюнь поднял руку, давая знак Вэнь Цзину убрать пару нефритовых жетонов с драконом и фениксом, затем медленно поднялся и направился в Чаньсиньский дворец.

Сегодня Инь Юаньчэн обедал в Чаньсиньском дворце. После трапезы молодой господин немного посидел, переваривая еду, а потом, почувствовав смертельную сонливость, лениво свернулся калачиком на кровати и вскоре задремал. Инь Юаньчэну стало скучно, он перекинулся парой слов с Му Юем и покинул дворец.

Когда Инь Яньцзюнь пришёл, молодой господин-солёная рыбина всё ещё мирно спал на кровати, изредка пинал ногой.

Вспомнив о распухших ногах молодого господина, Инь Яньцзюнь открыл ящик и достал особое целебное масло, приготовленное императорским врачом Ханем. Затем он закатал брюки юноши.

Ноги молодого господина так опухли, что казались булочками на пару из дрожжевого теста. Сердце Инь Яньцзюня сжалось от жалости, и в его взгляде мелькнула печаль.

Когда на кожу легло тёплое масло и лёгкие движения массажа, Сюй Яньцин, всё ещё сонный, приоткрыл глаза. Первое, что он увидел, — это даосский наставник, сосредоточенно разминающий его ноги. У Сюй Яньцина в груди словно поселился маленький зайчонок, не перестававший стучать лапками.

Весь день сердце молодого господина не находило покоя. Он пошатываясь поднялся с кровати, но не успел как следует сесть, как рука Инь Яньцзюня уже обхватила его талию, удерживая от падения обратно на постель.

— Пир уже закончился? — молодой господин моргнул сонными глазами.

Инь Яньцзюнь кивнул:

— Юаньчэн не досаждал тебе сегодня?

— Нисколько. Юный маркиз — весьма забавный человек, — чуть приободрившись, Сюй Яньцин лениво приподнял бровь. — Только вот рассказал мне, что правитель Силина будто бы отправил дочь в Далянь ради брачного союза.

Пальцы Инь Яньцзюня, разминавшие ноги юного господина, на миг замерли. Его ясный и красивый взгляд упал на Сюй Яньцина:

— Возможно, у правителя Силина и было такое намерение, но сегодня посланник не смог этого озвучить. Того посла король Силина выбрал не зря: человек он умный и проницательный. Скорее всего, больше эту тему поднимать не станет.

Слушая, как даосский наставник спокойно и чётко излагает всё, что произошло на пиру, молодой господин посмотрел на него сияющими глазами:

— А наш министр Ши в Даляне — тоже замечательный человек, воистину интересный.

Инь Яньцзюнь продолжал массировать распухшие ноги. Спустя некоторое время он вытер руки и снова сел рядом:

— Молодой господин, если скучаешь — зови Юаньчэна. Пусть развлечёт тебя или скоротает время.

— А сам наставник не может составить мне компанию? — в голосе юного господина прозвучала легкая насмешка: тон даосского наставника был такой, словно он обращался с ним как с несмышлёным ребёнком, в котором не скрывалось ни капли строгости, одна лишь снисходительная забота. От этого Сюй Яньцину захотелось слегка пошалить и подразнить его.

Как он и ожидал, кончики ушей даосского наставника слегка покраснели. Молодой господин поднял руку и легко коснулся этого алого кончика, тихо пробормотав:

— У наставника ушки совсем покраснели.

Инь Яньцзюнь слегка смутился. Он взял ладонь юного господина, намеренно дразнившую его:

— Я ведь гораздо старше тебя, молодой господин. Иногда и не знаю, чем увлекаются молодые. Боюсь, покажусь тебе до ужаса скучным.

— Ничуть! — Сюй Яньцин, с заметным животиком, чуть склонил голову и посмотрел в ясные, отрешённые глаза наставника: — Мне, наоборот, кажется, что наставник — очень интересный человек.

Молодой господин-солёная рыбина снова принялся заигрывать с даосским наставником Сюаньчэнем. Вспомнив то случайное поцелуйчик в деревне семьи Сюй, а также странное чувство, охватившее его сегодня при вести о возможном браке наставника с принцессой Силина, Сюй Яньцин словно начал что-то смутно осознавать.

Он словно испытывал сильное чувство собственности по отношению к наставнику. Это нормально? Конечно, нормально. Ведь наставник — сама красота.

Причём красота несравненная. Молодой господин-солёная рыбина считал себя лишь обычным

человеком, и было совершенно естественно чувствовать такую жадную привязанность к столь прекрасному и заботливому человеку.

И всё же в этот момент он колебался. Не потому, что сомневался в наставнике, — он не верил в себя. В нём бушевали неуверенность и неконтролируемые сомнения.

— О чём задумался? — Инь Яньцзюнь, словно это было в порядке вещей, убрал ладонь юного господина от своего уха и мягко сжал её в своей.

Сюй Яньцин покачал головой:

— Наставник видел, как выглядит принцесса Силина? — глаза молодого господина сверкнули любопытством.

Инь Яньцзюнь слегка качнул головой:

— Принцесса Тоба была в вуали.

— Вот как... — Сюй Яньцин вдруг вспомнил сцены из сериалов, что видел в прошлой жизни, и не удержался от поддёвки: — Почему же наставник не попросил её снять вуаль? Вдруг она красота, что способна погубить целые царства!

Инь Яньцзюнь поднял руку и слегка ущипнул щёку юного господина, поправляя его одежду:

— Зачем мне знать, как выглядит принцесса Тоба?

Молодой господин-солёная рыбина только тяжело вздохнул про себя. Наставник и впрямь человек, не знающий, что такое романтика. Что и говорить — полностью соответствует своему холодному, неземному, словно бессмертному облику.

В посольстве Тоба Цзиньшу стояла у окна и толкнула створку. За окном росла сосна — вечнозелёная во все времена года, словно воплощение стойкости.

Посол постучал и вошёл:

— Похоже, Сын Неба из Даляна не намерен заключать брачный союз.

— Тогда позвольте мне остаться в Даляне, — тихо произнесла она. — Раз уж не могу войти в императорский дворец, то хотя бы стану заложницей. Первые восемнадцать лет своей жизни я купалась в милости императорской семьи Силина. Теперь пришло время посвятить себя родине.

Посол опешил:

— Ваше Высочество, вы...

— Милорд, не стоит меня отговаривать. Я напишу письмо отцу-императору, и, прочитав его, он поймёт мои намерения. — Тоба Цзиньшу спокойно обернулась, на её мягком лице появилась лёгкая улыбка. — Милорд, можно мне прогуляться? Я ведь ещё не видела, как выглядит столица Даляна.

Сердце посла было полно противоречий, но он лишь кивнул:

— Эта служанка сопровождает Ваше Высочество.

Столица Даляна кипела жизнью, людской поток не иссякал. Глаза служанки, сопровождавшей Тоба Цзиньшу, так и сияли от удивления:

— Д... Девушка, императорская столица Даляна воистину великолепна!

Тоба Цзиньшу переоделась в далянское платье с открытым воротом, и обнажённая впадинка у ключиц заставляла её чувствовать себя неловко.

Но оживлённость столицы постепенно передалась и ей. Под руку со служанкой она бродила среди толпы. Повсюду сновали далянские барышни, изящные, словно ивовые ветви, по двое и по трое.

С глухим «бах» что-то упало на землю. Тоба Цзиньшу почувствовала резкую боль в лбу. Подняв глаза, поняла: зазевалась и налетела прямо на господина.

— Простите, господин, я была неосторожна. — Она присела, чтобы помочь поднять упавшую на землю парчу. Шкатулка раскрылась, и перед глазами блеснули серебряные браслеты.

Они были тонкой работы, украшенные крошечными подвесками-оберегами. По размеру — явно детские.

Сюй Сяньчжи наклонился и собрал все рассыпавшиеся вещи:

— Это я был невнимателен. Прошу прощения, к вам это отношения не имеет.

— Эй, да ведь это князь из рода Уаньского маркиза! — подошёл молодой господин и почтительно поклонился Сюй Сяньчжи.

Тоба Цзиньшу моргнула длинными ресницами, снова склонила голову перед Сюй Сяньчжи и, взяв служанку за руку, поспешила уйти.

А молодой господин, поприветствовавший Сюй Сяньчжи, с многозначительным видом хмыкнул:

— Та барышня случайно не возлюбленная молодого господина?

Лицо Сюй Сяньчжи потемнело:

— Не носи чепухи. Ещё погубишь репутацию барышни.

— Ладно-ладно, господин. Может, в «Цинъюнь-лоу», пропустим по чашечке? — Юноша прекрасно знал характер Сюй Сяньчжи и, боясь оплеухи, быстро отказался от насмешек.

Сюй Сяньчжи взглянул на вещи в руках и покачал головой:

— Сегодня не пойду. Вы идите, выпейте, а я вас угощу в другой раз.

— Девушка, слуга только что слышал, как другой господин назвал того господина «князем»! — служанка была ещё слишком молода, потому болтлива.

Тоба Цзиньшу обернулась на мгновение, затем спокойно произнесла:

— Возвращаемся в посольство. — Это был императорский город Даляна, где на каждом шагу встречаются знатные особы. Сейчас она не могла допустить, чтобы из-за неё возникли

неприятности для Силина.

К вечеру солёная рыбина наконец закончил прогулку, обливаясь потом. Инь Яньцзюнь вынул из рукава носовой платок и вытер пот со лба молодого господина, мягко коснувшись щеки:

— Всё в порядке?

— Нет, совсем не в порядке, — вздохнул молодой господин. Он не стеснялся того, что беременен, не считал уродливыми растяжки на животе и не жаловался на опухшие ноги. Ведь эта жизнь досталась ему с таким трудом, а значит, всё внешнее — сущая мелочь.

Но почему солёной рыбе приходится терпеть боль от упражнений? Разве Небо не знает, что заставить солёную рыбу заниматься — всё равно что вытащить её на берег? Это же смерть от усталости!

Лицо молодого господина было настолько полно мучений, что Инь Яньцзюнь невольно ущипнул пухлую щёчку:

— Пойдём, помогу тебе в комнату отдохнуть.

Солёная рыба мечтал повиснуть на даосском наставнике целиком. Ноги казались свинцовыми, точно чужими. Ему срочно требовались носилки марки «Даосский Наставник», чтобы донести его до кровати.

К счастью, даосский наставник оправдал своё имя. Солёной рыбе не пришлось прилагать особых усилий — вскоре он уже уютно устроился на шезлонге в спальне. Этот шезлонг был изготовлен по специальному заказу Вэнь Цзина, правда, первым он завершил лишь тот, что стоял в беседке на улице.

Солёная рыба тяжело дышал, развалившись на шезлонге. Му Ю уже притащил несколько вёдер горячей воды и вылил их в бадью за ширмой.

Когда пот на теле молодого господина почти высох, Му Ю осторожно затащил его в ванну.

Инь Яньцзюнь слушал плеск воды за ширмой, и кончики его ушей вновь слегка порозовели. Он направился в боковой зал, чтобы просмотреть мемориалы.

Когда на столе осталось лишь несколько свитков, Инь Яньцзюнь взял чашку чая и сделал лёгкий глоток. Мысли невольно вернулись к словам молодого господина о силлинской принцессе.

На его губах появилась едва заметная улыбка. Ленивый нрав молодого господина и правда подходил для метода «варёной лягушки» — медленно прогревать на тихом огне. Но сегодняшний неожиданный поворот был приятным сюрпризом.

Мемориалы на столе быстро закончились. Услышав движение из соседней комнаты, Инь Яньцзюнь отложил кисть и спокойно поднялся.

Чёрные волосы молодого господина ещё капали водой, но Му Ю уже обмотал их полотенцем. Инь Яньцзюнь подошёл и перехватил это занятие. Когда Му Ю хотел что-то сказать, наставник лишь слегка приподнял ладонь.

Му Ю послушно отступил.

Молодой господин сидел на стуле, полузакрыв глаза, кляня носом от сонливости и даже не заметил, что человек, вытирающий ему волосы, сменился.

В тот момент, когда голова молодого господина снова начала клониться вниз, Инь Яньцзюнь протянул руку и поддержал его лицо.

И всё равно тот ничего не почувствовал — лишь открыл и снова закрыл глаза, обнял руку даосского наставника, словно использовал её как подушку, и провалился в глубокий сон.

Инь Яньцзюнь невольно усмехнулся, разжав ткань, которой вытирал волосы. К счастью, они уже почти высохли. Он осторожно поднял молодого господина на руки.

Тот привычно устроился в объятиях даосского наставника, потянул за ворот и даже причмокнул губами, будто ел что-то вкусное во сне. В забытьи маленький обжора вдруг вцепился зубами в грудь наставника.

Тело Инь Яньцзюня моментально напряглось, уши залила краска. Но молодой господин, спящий без задних ног, отказывался выпускать добычу.

С трудом дотаскив его до кровати, Инь Яньцзюнь аккуратно уложил его. Нагнувшись, он сразу заметил гладкий лоб молодого господина, сияющий мягким светом.

Как только тот оказался на постели, он наконец разжал зубы и отпустил несчастную грудь наставника. Инь Яньцзюнь замер на долгий миг, а потом склонился и коснулся лба молодого господина лёгким поцелуем.

Его длинные ресницы дрогнули. Инь Яньцзюнь моргнул, застыв, боясь пошевелиться. Лишь спустя какое-то время он очнулся, резко выпрямился. Он же только что воспользовался беспомощным сном молодого господина!

Даже его белая шея порозовела от смущения. Он постоял у кровати, вглядываясь в спокойное лицо спящего, а потом неловко пошевелил руками и ногами и достал из ящика мазь и целебное масло, которые молодой господин использовал обычно.

Сегодня маленький боб в животе молодого господина был на удивление тих — спал крепко, словно другой отец, не толкаясь кулачками под ладонью императорского папы.

Закончив смазывать мазью и маслом, Инь Яньцзюнь уселся рядом.

С наступлением осени дни оставались жаркими, но по ночам часто налетал ветер. Молодой господин спал беспокойно и постоянно скидывал одеяло.

Он снова натянул его на спящего, взял ладонь молодого господина в свою и слегка помял пальцы. Лишь спустя долгое время наконец поднялся и вышел из покоев.

Когда Вэнь Цзинь помогал Его Величеству в купальне, то был слегка потрясён:

— Грудь Вашего Величества...

Почему на груди Его Величества такая глубокая отметина от зубов? Молодой господин ведь уже с таким большим животом... Неужели он разгневался из-за силлинской принцессы?

Инь Яньцзюнь, сидя в ванне, опустил взгляд на грудь, затем повернул голову и холодно

взглянул на Вэнь Цзиня:

— Молчи.

Вэнь Цзинь: Я виноват. Я лишнего сказал.

Зная характер Его Величества, можно было не сомневаться — он обязательно всё объяснит молодому господину и не допустит между ними ни малейшей трещины.

Ночью Инь Яньцзюнь лежал на кровати, словно прикованный. Сон был неглубоким, но открыть глаза он не мог. И вдруг в ушах раздался голос молодого господина.

Сначала он звучал далеко, постепенно приближаясь. Сначала — стон боли, а потом тембр изменился, стал мягким, сладким, будто пропитанным мёдом.

— Даосский наставник... наставник... — снова и снова звал его молодой господин. Сквозь полусон Инь Яньцзюнь увидел пару белоснежных, словно из нефрита, рук, обвивших его грудь.

Инь Яньцзюнь резко очнулся, чувствуя, как всё тело покрывает липкая испарина.

— Ваше Величество, — раздался осторожный голос. Вэнь Цзинь тихо вошёл: — Вам приснился кошмар?

— Сегодня не твоя очередь дежурить, — Инь Яньцзюнь взял протянутый платок и стёр пот со лба.

— У старого Чэня вчера разболелся желудок, вот я и поменялся с ним, — ответил Вэнь Цзинь. Хотя он был не единственным, кто служил императору, но именно ему Его Величество доверял больше всех.

— Позови горячей воды. Хочу искупаться. — На теле была лишь тонкая плёнка пота, но ощущение липкости раздражало. Вэнь Цзинь уже собирался выйти, как вдруг император остановил его: — Не нужно. Сначала пройдусь.

Инь Яньцзюнь вышел один, не взяв никого, и медленно зашагал по двору. Он не ответил на вопрос Вэнь Цзиня — тревожил его вовсе не кошмар, а та ночь на горе Цинлин, проведённая с молодым господином.

Небо ещё не светлело, до рассвета было далеко. Инь Яньцзюнь долго бродил по двору. Лишь когда сердце успокоилось, он вернулся в боковой зал.

Время летело незаметно. Молодой господин-солёная рыба жил в Чаньсиньском дворце уже около половины месяца, и последнее время спал просто отлично.

Хотя вставал чаще, чем раньше, но каким-то чудом всегда мог снова заснуть после того, как справлял нужду — в целом почти никак не страдал от этого.

После ужина солёная рыба уютно устроился в своих покоях с книжкой в руках, как вдруг увидел, что к нему идёт Инь Юаньчэн, неся средних размеров ящик.

Поставив ящик на стол, Инь Юаньчэн вытащил из него целую гору мелких игрушек:

— Всё это я приготовил для будущего младшего кузена.

В ящике нашлось всё — деревянные лошадки-качалки, теневые куклы, мячики для цзюйцзю...
Каких только безделушек не было!

Молодой господин лениво вытащил оттуда тeneвую куклу:

— А что, с этими вещами только дети играют? Взрослым нельзя?

Инь Юаньчэн посмотрел на молодого господина, который был младше его на два года, с крайне сложным выражением лица, а потом только вздохнул:

— Ладно, ладно. Забирай, если хочешь. Когда будет время, зайду в лавку и подберу ещё чего-нибудь интересного. — Всё равно он собирался закупить всё, чего ему самому в детстве не хватало, для ещё не рождённого кузена.

— Кстати, Юаньшуан в последнее время опять о тебе спрашивала. Не знаю, как вы вообще познакомились. Когда я сопровождал императора на юг, она, похоже, по брату особо не сучала, — молодой marquis с глазами-собачьими глазами был полон обиды и горечи по отношению к Сюй Яньцину.

— Хм, — солёная рыба всё ещё рассматривал тeneвую куклу. Услышав это, он поднял взгляд и с торжествующей улыбкой посмотрел на Инь Юаньчэна: — Видимо, я просто милее юного marquisa!

Эх, быть любимым всеми — это тоже тяжкая ноша. Солёная рыба театрально вздохнул... хотя нет, гордиться этим он должен!

— Может, просто из-за твоего красноречия Юаньшуан и не может тебя забыть, — Инь Юаньчэн откашлялся, делая вид, что говорит серьёзно: — Теперь, когда ты носишь под сердцем дитя императора, держись от Юаньшуан подальше.

— Ох, юный marquis, какие суровые слова, — молодой господин покачал головой и лукаво улыбнулся: — Мы с принцессой Цзиньань связаны чисто революционной дружбой, скреплённой сердечной болью после предательства одного негодяя.

Инь Юаньчэн слушал в полном недоумении, но ухватил суть. Вспомнив нарочно устроенную путаницу в деревне семьи Сюй, он осторожно спросил:

— Так как же молодой господин Сюй теперь относится к Су Ханьфэну?

— А что тут можно чувствовать к негодяю! — тень кукольного меча со свистом обрушилась вниз: — Негодяй должен знать своё место и убираться подальше! А то клинок этого молодого господина не пощадит!